

формы понимания византийцами общественных процессов. Важно и то обстоятельство, что уделанный анализ позволил К.В. Хвостовой убедительно продемонстрировать противоречивость византийской культуры и цивилизации в целом. Ее основные черты раскрыты в Заклучении, где также содержится вывод о специфичности осмысления византийцами происходивших на их глазах явлений и событий, которая предопределена историческими условиями развития империи.

Такова концепция восприятия византийцами окружающих их реальностей, предложенная в книге К. В. Хвостовой. Конечно, ее публикации предшествовали многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых, затрагивавшие отдельные аспекты этой сложной проблемы. Очевидная заслуга К.В. Хвостовой заключается в заполнении лакун и обобщении наших представлений о понимании визан-

тийцами современных им социально-экономических процессов. Систематизация этих представлений не просто означает целевое введение начал исторической психологии в византистику, но закладывает основы нового в ней направления. К.В. Хвостовой удалось, как нам кажется, найти оригинальное решение и вплотную подойти к проблеме византийской цивилизации. Постигание ее тайн на протяжении всей истории византиноведения совершалось посредством анализа особенностей "структур повседневности", быта и нравов византийцев, их духовного облика. Монография К.В. Хвостовой предполагает иной, вполне самобытный путь познания византийской цивилизации благодаря восстановлению норм деятельности и ее осмыслению членами изучаемой средневековой общности.

Ю. Я. Вин

Makk Ferenc. The Arpáds and the Comneni: Political Relations between Hungary and Byzantium in the 12th Century. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1989.

Монография известного венгерского исследователя-медиевиста Ференца Макка "Арпады и Комнины: Политические отношения между Венгрией и Византией в XII в." посвящена одному из наиболее сложных, противоречивых, насыщенных событиями периодов в истории взаимоотношений двух средневековых держав. Сделав небольшой экскурс в предшествующий период, прежде всего, назвав причины, в силу которых в последней трети XI в., при короле Ласло I Святом, связи Венгрии с Византией были практически прерваны, основное свое изложение автор начинает с момента прихода к власти Кальмана (1095—1116). Выбор верхней хронологической границы (исследование доведено до смерти Белы III в апреле 1196 г., а не до падения Константинополя в 1204 г., как, быть может, ожидал бы читатель-византист) указывает на то, что Ф. Макк изучает поставленную им проблему главным образом в ракурсе истории венгерского государства. Действительно, везде, где это позволяют источники, он стремится выявить внутриполитическую подоплеку тех или иных шагов Венгрии и в отношении Византии, и в международных делах вообще. Следует отметить, что и внешнюю политику Константинополя автор стремится рассматривать в общем контексте положения империи при Комнинах, хотя подобные экскурсы, что вполне понятно, менее подробны и полемичны. Такое (широкое) толкование внешней политики в тесной связи с ситуацией в обществе и расстановкой сил в правящей элите можно считать одним из принципов, на которых основано исследование Ф. Макка.

Вторая весьма существенная посылка автора состоит в том, что историю взаимоотношений

Венгрии и Византии в этот период, сколь бы значимыми ни представлялись отдельные события и моменты, нельзя изучать вне контекста общеевропейской политики. Если отказать от подобного подхода или придерживаться его непоследовательно, что было характерно для некоторых венгерских авторов-предшественников Макка в историографии этой проблемы, "венгерский фактор" в политике Константинополя приобретал особую значимость, реальная же картина происходящего от этого безусловно страдала. Ф. Макку удалось убедительно показать, что практически никогда, даже в моменты открытых военных столкновений, венгерско-византийские отношения этого периода не были свободны от прямого или косвенного влияния со стороны других действующих "лиц" европейской политики того времени. Так, на "венгерскую" политику императоров из династии Комнинов на протяжении всего рассматриваемого периода оказывали влияние взаимоотношения Константинополя с Венецией, норманнским государством в Южной Италии, папством, далматинскими городами, ситуация в "славянских" владениях империи на Балканах. Развитие внешнеполитической линии Арпадов в отношении Византийской империи, в свою очередь, нельзя изучать, не принимая во внимание положение Венгрии среди ее славянских соседей — Чехии, Древнерусских княжеств, Польши, сербов.

Особо следует сказать о том влиянии, которое в XII в. оказывала Священная Римская империя как на формирование внешнеполитического курса Венгрии в XII в., так и на позицию Византии в европейских делах. Ф. Макк постоянно отмечает значение "германского" фактора в развитии венгерско-византийских отношений.

Под этим углом зрения весь исследуемый в монографии период можно с некоторыми оговорками подразделить на два этапа. В первой половине столетия, когда разворачивалась борьба за инвеституру, влияние Германии ощущалось слабее. В том числе и по этой причине венгерские короли в тот период имели возможность проводить более активную, наступательную внешнюю политику.

С появлением на европейской политической сцене Фридриха I Барбароссы положение Венгрии изменилось. Значительные силы отвлеклись теперь на сдерживание — как военными, так и дипломатическими средствами — устремлений могущественного западного соседа. Если учесть, что в этот период в открытой или в латентной форме происходила борьба двух в значительной степени непримиримых между собой концепций *renovatio imperii*, сформулированных Барбароссой и императором Мануилом Комнином, станет очевидным, что объективно, даже в чисто географическом смысле, Венгерское королевство оказалось в центре столкновения интересов двух империй. С другой стороны, как свидетельствует приводимый Ф. Макком фактический материал, с этого времени Венгрия выступает гораздо более активным участником общеевропейской политики, чем это было до сих пор. В этой связи со второй половины 50-х годов вычленив из общей картины развития международных отношений в Центральной Европе и на Балканах в чистом виде венгерско-византийские отношения бывает тем более непросто.

Вместе с тем, как показывают привлекаемые автором данные, на протяжении всего XII столетия источники конфликтов, возникавших между двумя государствами, оставались неизменными. Основной узел венгерско-византийских противоречий находился на Балканах, главным образом в Далмации, где борьба, активной участницей которой постоянно выступала также Венеция, велась с переменным успехом. Сами далматинские города, как полагает Ф. Макк, выбирая наименьшее из зол, предпочитали находиться под властью венгерской короны, поскольку Венгрия в отличие от Венеции, ни в коей мере не претендовала на роль торгового конкурента. Тем не менее Задар, Сплит, Шибеник по многу раз переходили из рук в руки. Нестабильной на протяжении всего исследуемого Ф. Макком периода оставалась вся венгерско-византийская граница по Дунаю и Саве, поскольку венгерские короли в XII в. постоянно возвращались к идее расширения владений за счет сербских и боснийских земель. С начала 90-х годов при Беле III началась, пожалуй, наиболее широкомасштабная экспансия Венгерского королевства в Сербию, хотя поначалу Венгрия выступала лишь как союзник Стефана Немани против Византии.

Интересы Венгрии и Византии сталкивались также в русских землях. Эти противоречия, по

существу, ни разу не вылились в открытый военный конфликт между двумя державами, но, как убедительно, с нашей точки зрения, показывает Ф. Макк, вмешательство венгерской короны в междоусобную борьбу русских князей (в 1146—1152 гг.) нельзя объяснять лишь "родственными чувствами" Гезы II или планами захвата части русских земель. Эти события, по мнению автора, следует рассматривать в общем контексте международного положения Венгрии в середине XII в. Тогда станет очевидным, что Геза II, лишившийся своих прежних (германских и чешских) союзников, искал поддержки на востоке. Помощь же в этот период ему была остро необходима, так как Венгрия находилась в условиях тяжелого и затяжного конфликта с Мануилом Комнином. С другой стороны, то обстоятельство, что Геза II выступил против Юрия Долгорукого на стороне Изяслава Мстиславича, может быть, помимо всего прочего, объяснено и тем, что своими действиями он стремился ослабить позиции на Руси своего главного на тот момент врага — Византии.

Автор указывает еще на одно обстоятельство, которое время от времени, в особенности в периоды обострения противоречий между Венгрией и Византией, играло немаловажную роль во взаимоотношениях двух государств. Речь идет о прямом или косвенном влиянии Константинополя на внутрдинастические конфликты в Венгерском королевстве. Дело в том, что в XII в., как и в предыдущем столетии, в государстве Арпадов не существовало твердо установленного порядка наследования престола: корона могла переходить и от отца к сыну, и в соответствии с архаическим обычаем от старшего мужчины в роду к следующему по старшинству. Эта неопределенность в вопросах наследования постоянно порождала разногласия и прямые конфликты между представителями династии Арпадов. Не раз на протяжении XII столетия отвергнутые претенденты на венгерский престол искали убежища в Византии (первым был Альмош, младший брат короля Кальмана, чей приезд в империю Ф. Макк датирует 1125 г.). Константинополь нередко, в особенности в периоды особой напряженности во взаимоотношениях с Венгрией, использовал подобные моменты в своих интересах. Так было, например, в 1162—1164 гг., когда Мануил Комнин оказывал поддержку, в том числе и военную, "антикоролю" Иштвану IV в борьбе против племянника последнего Иштвана III (1162—1172), и когда, по мнению большинства венгерских авторов, над Венгрией нависла реальная угроза утраты независимости.

Все события, связанные с историей венгерско-византийских отношений XII в., прослеживаются автором последовательно и детально, вместе с тем на отдельных эпизодах, прежде всего в тех случаях, когда мнение Ф. Макка расходится с устоявшимися положениями предшествующей венгерской историографии, он останавливается

особенно подробно. Так, он неоднократно предлагает и обосновывает собственные датировки и хронологию некоторых событий, например, упомянутого выше бегства Альмоша в Византию, начала и основных этапов затяжного конфликта конца 40-х — начала 50-х годов, борьбы Венгрии с Венецией из-за Задара в 1171—1172 гг. и др.

Помимо пересмотра утвердившейся в историографии датировки ряда событий Ф. Макс предлагает новые трактовки некоторых широко известных и не обойденных вниманием его предшественников в венгерской (и не только венгерской) литературе фактов. Так, с его точки зрения, нуждается в переоценке история Бель-Алексея, будущего венгерского короля Белы III, который находился в Византии с 1163 г., был помолвлен с Марией, дочерью Мануила Комнина, и объявлен его наследником. В историографии еще в XIX — начале XX в. утвердилось мнение, что Мануил вынашивал планы будущего объединения двух государств под властью Белы. Ф. Макс полагает, что назначение Белы наследником византийского престола "не имело вовсе никакой венгерской подоплеки" (с. 97). Во-первых, потому

что в первой половине 60-х годов младший сын Гезы II никак не мог претендовать на венгерскую корону — спор за нее вели младшие братья Гезы II и его старший сын Иштван III. Во-вторых, анализируя ситуацию в самой Византии, автор приходит к заключению, что такой зять и наследник был удобен Мануилу как "чужак", полностью зависящий от императора.

В рамках настоящей рецензии не представляется возможным сколько-нибудь подробно пересказать содержание чрезвычайно насыщенного фактами, основанного на привлечении широкого круга венгерских, византийских, западноевропейских, западно- и восточнославянских источников исследования. Несомненно лишь, что книга представляет интерес как для специалистов, занимающихся политической историей XII в., которые могут найти в ней свежий взгляд на многие хорошо известные факты, так и для читателя, желающего составить общее представление об одном из наиболее захватывающих и драматичных периодов в истории взаимоотношений Венгерского королевства и Византии.

А. В. Ратобильская

Ζαχαριάδου Ε. Α. 'Ιστορία καὶ θρύλοι τῶν παλαιῶν σουλτάνων. (1300—1400). Ἀθήναι, 1991. 234 σελ. 2 хар.

Изучение истории раннеосманского государства только начинается. Несмотря на явный интерес к такому феномену, как рост Османской державы, которая на протяжении XIII—XV вв. прошла путь от небольшого бейлика до империи мирового значения, исследования, касающиеся начального этапа османской истории, немногочисленны¹. Во всяком случае, еще не создан труд, в котором были бы объединены данные как византийских и западноевропейских, так и всего корпуса османских источников, включая исторические сочинения вплоть до XVI—XVII вв., а также османские кадастры. Кроме

того, научная разработка османской историографии далека от завершения: несколько статей Х. Инальджика и В. Л. Менажа² не могут восполнить пробел. До сих пор не анализировалась подробно система взглядов османских историков, их мировоззрение, только частично восстановлены не дошедшие до нас источники, которыми, однако, пользовались такие авторы как Ашикпашазаде, Нешри, Урудж, Язджыоглу Али, Шукруллах Заки, Саадеддин и другие.

Исследование Элисавет Захариаду "История и мифы о древних султанах" посвящено именно этому сложному периоду становления османского государства в 1300—1400 гг.³

© Д. А. Коробейников, 1998

¹ Основными трудами здесь следует назвать монографии Виттека и Кёпрулю. См.: *Wittek P. The Rise of the Ottoman Empire. L., 1938; Köprülü M. F. Les Origines de l'empire ottoman // Etudes Orientales. P., 1935. N 3.* Именно эти две работы оказали влияние на послевоенную историографию, в частности на концепцию Инальджика. См.: *Inalcik H. The Emergence of the Ottoman Frontier Principality // The Cambridge History of Islam. Cambridge, 1970. Vol. I. P. 266—269.* Однако в последнее десятилетие точка зрения П. Виттека была подвергнута критике в трудах Р. Линднера, Р. Дженнингса и других исследователей, подробнее см.: *Жуков К. А. Особенности образования Османского государства (XIII — XV вв.) // XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. М., 1991. Т. 2. С. 1277—1278.*

² *Inalcik H. The Rise of the Ottoman Historiography // HME. P. 152—167; Ménage V. L. The Beginnings of the Ottoman Historiography // HME. P. 168—179.* См. также статьи этого автора в: *BSOAS (1963) № 20. P. 50—54, № 30 (1967). P. 314—322.* Кроме того, существует монография Ф. Бабингера, но она производит впечатление скорее справочно-библиографического издания, а не историко-научного исследования: *Babinger Fr. Die Geschichtschreiber über die Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927.*

³ Захариаду также автор многих других работ, посвященных проблемам истории Балкан, Трапезундской империи, Эгейских эмиратов: *Zachariadu El. Romania and the Turks (c. 1300—1500) // VR. L., 1985; Eadem. Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300—1415). Venice, 1983.*